

АННА ЕВСЕЕВА

СОБАКА

РАССКАЗЫ

Анна Евсева

Собака. Рассказы

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=22144213

ISBN 9785448349256

Аннотация

Рассказы Анны Евсевой о русской неприкаянности как способе бытия. Сей феномен не всегда разглядишь за развитием сюжета, речами и действиями персонажей, но это случается сплошь и рядом, что книги оказываются толковее своих создателей (как это случилось, например, с Гоголем), собранней и острей. Вячеслав Пьецух

Содержание

Земное притяжение	5
Игры без правил	45
Конец ознакомительного фрагмента.	52

Собака
Рассказы
Анна Евсева

© Анна Евсева, 2016

ISBN 978-5-4483-4925-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Земное притяжение

В эту ночь Фил опять не спал. Он то подолгу лежал с открытыми глазами, пытаясь побороть свой страх, то зажимался, сворачиваясь калачиком и поджав под себя ноги, представляя себя защищенным в теплой материнской утробе. Он равномерно сжимал и разжимал кулаки, как советовал ему доктор Вельбович, старательно направляя всю силу своей энергии в правую руку и пытаясь представить ее тяжесть и тепло. Ничего не спасало – рука не нагревалась, а наоборот – коченела и уже начинала казаться посеревшей и безжизненной.

– Я спокоен, спокоен, – лихорадочно повторял Фил, – мое тело расслаблено.

Он делал тщетные попытки думать как можно медленнее, словно плыл против течения, разгребая приливающие волны.

– Что ли я – сумасшедший? – подумал Фил. – Или пока только схожу с ума? И нет никакого смысла анализировать, чего именно я боюсь. Для страха не нужны причины.

Фил узнал об этом недавно, из какой-то книжки и обрадовался. Он нашел верную фразу впервые за много лет – ведь она совпадала с его собственными мыслями. Тот, кто это сказал, кажется, тоже был не очень в себе.

Фил посмотрел на часы. Половина пятого утра. Время движется быстрее жизни, оно неумолимо тащит за собой, фамиллярно ухватив за шкирман. Только вперед, вперед, безо всяких остановок. Хотя кто сказал, что время идет вперед? Постоянно приближая нас к финалу, оно определенно направляется в обратную сторону.

Фил нажал на кнопку телевизионного пульта. Уверенный мужской голос на фоне стремительных танцев в дискотеке интимным тоном поинтересовался:

– Вам страшно? Не хватает уверенности в себе?

Фил заинтересованно уставился на экран.

Картинку с резвящимися девицами сменила пачка презервативов.

– «Love story»! Надежность и уверенность в себе! – категорично заявил мужской голос.

– Это все, что вам нужно, – подыграла ему кокетливая девица в бикини.

«Вот бы нацепить их себе на голову! Может быть тогда и появится возможность запастись уверенностью для любых ситуаций»? – подумал Фил.

Доктор Вельбович считает, что страх – это всего лишь

вибрации, из категории впечатлений. Он заявляет об этом с наивнейшей безапелляционностью. Послушать Вельбовича – и музыка, и поэзия, и даже секс – вибрации. Стоит выключить магнитофон, захлопнуть книжку или застегнуть штаны как эти вибрации исчезнут. Страх не захлопнешь и не выключишь, по нему не грохнешь кулаком, его не утопишь в воде и не спустишь в мусоропровод. От него не спасут даже контрацептивы, несмотря на рекламные вопли о надежности и спокойствии, которые они дарят цивилизованному человечеству. Если страх есть, то он будет неотступно следовать за тобой, не давая сделать ни единого самостоятельного вдоха.

Страх живет в тебе на правах владельца, сначала он становится лишь частью тебя, но затем вытесняет полностью из всех твоих разумных действий, из логики, заставляя сосредотачиваться исключительно на нем одном. Он занимает наиболее выгодные позиции твоей жизни, к которым ты так долго шел, пробивался. Все это оказывается впустую, если в тебе зародился злобный вирус страха.

– Раз, два, три, четыре, – считал Фил, – все-таки Вельбович – кретин, что он пытается упорядочить? Мою жизнь? То, что пройдено, то пройдено, мое прошлое уже сыграло свою роль, оставило свой отпечаток, клеймо, которое не ототрешь никаким скипидаром. А то, чего еще не было, невозможно

предвидеть. Что он вообще понимает этот Вельбович! Пересмотреть все прошлое?! Разложить по полочкам... Навести порядок в собственных мыслях? Мысли неуправляемы. Да и как разложишь чувства, эмоции, ощущения? На какой из полок холодильника или гардероба должны покоиться отчаянье, ненависть или зависть? Словно на прилавке в магазине:

– Скажите, где у вас тут любовь?

– А вот на третьей полке, слева. Вам в розовой упаковке или в голубой?

– Покажите пожалуйста поближе, я её примерю... Не жмет, не трет... Но вроде чем-то пахнет. Похоже, она у вас не первой свежести. И срок хранения не указан... Заверните-ка мне лучше полкило успеха и двести граммов самодостаточности. Можно цельным куском... Хотя нет, лучше порезать кусочками. Так удобнее потреблять.

Доктор Вельбович стал как-то подозрительно старомоден. Первый раз он появился в полосатом пиджаке и джинсах, а теперь – в каком-то допотопном цилиндре, пенсне, в руках – тросточка. Он любит рассуждать о времени, но при этом опаздывает к началу приема, к тому же он ненавидит часы.

Как-то Фил в приливе благодарности вручил ему семейную реликвию, оставшуюся от деда, с дарственной надписью

от пехотного командира. Вельбович презрительно скривился:

– Не переносу как часы, так и пехотных командиров. Ну зачем мне такая память о каких-то головорезах!?

– Святыня! – воскликнул Фил, вспоминая слезы бабушки, когда она стирала пыль с часов, – память о подвигах советских солдат над фашистскими захватчиками! Вторая мировая – это же... это же неприкосновенно...

– Мистификация ваша вторая мировая. Обман наивных глупцов. Кто вам этих сказок понарасказывал? В школе воспитывали что ли? Пехотные командиры! Обыкновенные живодеры, – доктор подернул плечами, тем самым выдавая, что и у психотерапевтов бывает нервная система.

– А как же память о подвигах? О замученных фашистами героях? Зоя Космодемьянская, Александр Матросов...

– Вы еще Павлика Морозова вспомните, с вас станется! – усмехнулся Вельбович, – еще неизвестно кто кого замучил.

– Ну вы даете! – изумился Фил, – а газовые камеры? А тысячи замученных еврейских детей!?

Доктор Вельбович посмотрел на Филя поверх пенсне:

– А вот про еврейских детей напомните мне чуть позже. Кстати, я сам – еврейский ребенок.

Фил посмотрел на часы: без десяти два. Что за черт! Только что было полпятого! Или он ошибся? Нет, не ошибся, стрелки часов, увеличивая скорость вращения, неслись в об-

ратном направлении.

Интересно, как поступит доктор Вельбович: подсунет очередной тест, и снова начнет обвинять в недостоверности ответов или просто наморщит лоб, закурит и, медленно растягивая слова, скажет:

– Вы слишком фиксируете внимание на вибрациях. Отвлекитесь, расслабьтесь. Привстаньте на носки, а потом резко опуститесь на пятки. Всей тяжестью своего тела. Почувствуйте силу земного притяжения, и устоите на ногах. Почувствуйте же наконец почву у себя под ногами! И вам перестанет быть страшно. Носок-пятка – вот и вся премудрость. Кстати, как у вас с мочеиспусканием? Не бывает по ночам неожиданностей?

Взгляд у Вельбовича невозмутимый. То, что его интересует в первую очередь, он спрашивает как бы между прочим, – а цвет вашей мочи не менялся в последнее время? Нет? Уже хорошо. Уже достижение! А связи? Бывают у вас случайные связи?

Чушь! Какая чушь само понятие случайные связи! Неужели он не понимает, что если связь состоялась, то это уже не случайность!

Фил снова посмотрел на часы. Время неумолимо несло назад. Страх на секунду сдавил горло, но Фила отвлек теле-

фонный звонок.

– Ага! – воскликнула Рената, словно застукав Фила за чем-то непотребным, – одиннадцать утра! А ты еще спишь!

– Я не сплю. Всю ночь не мог заснуть.

– Но все равно лежишь в кровати!

– В кровати, – ответил Фил.

– А я! Знаешь, сколько я уже успела сделать?! Дошла до почты, чтобы позвонить тебе. До этого я покормила Машеньку, прополоскала пеленки и помыла на веранде пол. Понимаешь, маленький ребенок – это такая штука, которая совершенно не дает расслабиться. Постоянно концентрируешь свое внимание то на его вздохе, то на плаче. Кстати, ты не забыл, что Машенька – это и твой ребенок тоже?

– Нет, – ответил Фил, – не забыл.

– Да и я в общем-то имею к тебе некоторое отношение, – Рената кокетливо хихикнула, – слушай, ты когда приедешь?

– Не думал об этом.

– Вот и здарьте тебе! Он не думал! Мне надо в Москву на несколько дней. Поэтому приезжай пожалуйста. И купи подгузников, молока в банках и еще – захвати теплое одеяло. Хорошо? Красное, стеганое, в стенном шкафу. Еще мой серый свитер.

– Хорошо.

– Когда ты приедешь?

– Завтра, – ответил Фил.

– Только обязательно!

– Договорились.

– А то тут ко мне плотник сватается, – Рената хмыкнула, – говорит, что-то мужем твоим тут что-то не пахнет, не объелся ли он груш?! А я, говорит, парень неженатый, рукастый, да непьющий. – Рената замолчала, ожидая его реакции. Ее не последовало.

– Ну и дурак, – сказала Рената и повесила трубку.

Страх слегка отступил, но Фил знал, что это ненадолго, страх не может пройти сам по себе, он просто затаился где-нибудь за старым комодом или в прихожей. Возможно под кроватью, а еще скорее всего на улице, в районе торговой палатки с овощами. Эта палатка давно действовала на нервы Филу. Каждый раз, проходя мимо нее, он ускорял шаги. Запах тухлых овощей казался чем-то вроде ядовитого газа, подобного тому, которым травят заложников.

Сначала Фил был беспомощен что-либо предпринять. Он останавливался на безопасном от палатки расстоянии, дрожал мелкой дрожью, словно беговой скакун перед рывком, и ему казалось, что еще секунда, и он покроется пятнами, опухнет и умрет от анафилактического шока.

Филу казалось, что у него аллергия на все. Он боялся есть и фрукты, и ягоды, оказавшись в лесу задерживал дыхание,

так как запах прелой листвы мог вызвать приступ удушья. Фил даже не подозревал, что все приступы удушья он вызывает у себя сам именно потому, что периодически задерживает дыхание. Фил боялся перестать дышать. Когда Машенька появилась на свет, и Рената оставляла его с ребенком, Фил задыхался от запаха, который исходил от детских пеленок, после чего сделал вывод, что у него аллергия на детское дерьмо.

– Ерунда! – возразил доктор Вельбович, – нигде в медицинской литературе я не встречал случая аллергической реакции на детские испражнения. Да и на взрослые тоже. Просто вонь отвратная – что греха таить! Но это же не аллергия!

Теперь уверовав в то, что он страдает неизвестным – и потому неизлечимым – типом аллергии, Фил начал войну с овощной палаткой, словно Дон Кихот с ветряными мельницами.

Он то пристраивался к кому-то, кто шел в том же направлении и начинал ненавязчивый разговор – отвлечься. То пробегал мимо на дикой скорости, стараясь не выглядеть умалишенным, и сосредоточенно глядя вдаль какому-нибудь ненужному автобусу. Сердце его учащенно билось, в голове сгущался туман, а во рту становилось нестерпимо сухо.

По количеству известных фобий Фил бил все рекорды и, протестировавшись по какой-то анкете, понял, что близок к гениальности. Правда страхи начали изводить его не так давно. Еще полтора года назад он был совершенно свободен, спокойно ходил, где хотел, ел, что хотел, и не боялся получить аллергический шок. Он не боялся ни собак, ни лекарств, ни кошек, ни кактусов. Тогда же, полтора года назад, он получил заказ от Будапештского театра на эскизы декораций и уехал в полном одиночестве путешествовать по Европе в поисках готического вдохновения. Он бесстрашно гулял по замкам, взбирался на крепостные стены, без страха глядя вниз или поднимаясь по винтовым лестницам.

Он обошел пешком старую Вену и Цюрих, на велосипеде объездил почти всю Румынию в поисках замка, где жил Дракула и наконец добрался до Кракова.

Как-то, гуляя по городу, он увидел молодую девушку. Она сидела на камне, запрокинув голову и подставив солнцу лицо. Свитер ее слегка спадал с плеч, а солнечные лучи отсвечивали нимбом в каштановых волосах, создавая ощущение святости и порочности одновременно.

Фил остановился, чтобы получше ее разглядеть, потом подошел поближе и сел неподалеку. Она была в сандалиях на босу ногу.

«Наверное, у нее грязные ступни», – почему-то подумал Фил.

Он развернул газету и сделал вид, что читает, а сам периодически бросал на девушку взгляды. Она была похожа на студентку, но поза слишком расслаблена, не озабочена ни экзаменами, ни зачетами. И чересчур сексуальна. Хотя кто знает, бывает ли женская сексуальность – чересчур? Уже очень зыбко выглядит грань между нравственностью и чувственностью.

– У вас не получается, – спустя несколько минут произнесла девушка, не открывая глаза.

– Что именно? – удивился Фил.

– Смотреть исподтишка, – засмеялась девушка.

– Вы говорите по-русски?..

– Да. – Она наконец-то посмотрела на Фила.

– Живете в Кракове? Или путешествуете? – Спросил Фил.

– Я здесь замужем, – улыбнулась она, протягивая руку, –

Рената.

– Филипп, можно просто Фил.

– Фил бразильеро, – засмеялась она.

– Это что, новый писатель? Или актер? – поинтересовался Фил.

– Нет, – расхохоталась Рената, – порода собак.

Она поднялась с камня и потянулась. Фил уставился на ее тонкую талию и начал мучительно соображать, как бы пригласить ее погулять или выпить кофе. Она изящно подняла ногу – стряхнуть камушек. Ее ступни были совершенно чистыми, как будто дорожная пыль, по которой она разгуливала, не имела к ней никакого отношения и потому не прилипла.

– Пойдемте куда-нибудь пообедаем? – предложила Рената.

– Пойдемте. А куда? – растерялся Фил.

– Здесь есть китайский ресторан. Недалеко, за углом. Вы любите китайскую кухню?

– Да, очень, – немедленно ответил Фил.

Он ненавидел китайскую кухню. И весь вечер просидев над пекинской уткой и мечтая о хорошем бифштексе с жареной картошкой и овощным салатом, смотрел, как мастерски Рената вылавливает из соуса червеподобных трепангов, изящно цепляет тонкими палочками кусочки прозрачных медуз и всю эту мерзкую дребедень, прикрыв глаза от удовольствия, отправляет в свой очаровательный рот.

Когда она приступила к черным, пахнущим тухлятиной яйцам, Фил невольно подумал – и почему многие женщи-

ны считают оральный секс отвратительным? Надо бы узнать у них, как они при этом относятся к маринованным китайским яйцам и предложить им альтернативу.

– А вы кто? – поинтересовалась Рената, наконец оторвавшись от еды, откинувшись в кресле и закуривая.

– В смысле?

– Вообще.

– По профессии – театральный художник. А на свет я появился очень странным образом, – засмеялся Фил, – мать рассказывала мне в детстве, что однажды, в один прекрасный день, 4 марта 1964 года, я влетел через форточку.

– Как это? – удивилась Рената.

– Очень просто, – улыбнулся Фил, – моя мать лежала на диване и ждала меня. Она не знала, откуда я должен появиться. Бывает, что детей находят в самых разнообразных местах, а я влетел через форточку и мягко спланировал к ней в объятия.

– А-а, – усмехнулась Рената, – у меня все проще, нашли в капусте. Банально. Не могли поинтереснее придумать.

Они засмеялись.

Потом до утра бродили по спящему Кракову, дошли до Вислы и присели на берегу. Фил взял Ренату за руку, обнял. Она крепко прижалась, опустив голову ему на грудь.

Они сидели так тихо, не говоря ни слова. Он гладил ее по волосам.

– Твой муж не станет тебя искать? – тихо спросил Фил, впервые решив заговорить на тему ее личной жизни.

– Нет, – Рената тряхнула волосами и подняла к нему лицо, – не станет. – Она прикоснулась губами к его губам. У Фила перехватило дыхание. Рената едва коснулась губами его уха:

– Нет ничего более унижительного для молодой женщины, чем секс со стариком. – Прошептала она.

Фил задумался. Муж – старик? У такой красавицы? Ей на вид лет девятнадцать. Сколько же лет ее мужу, девяносто? Или перевалило за сто двадцать? Гиблое дело, надеяться на чудо, старик-европеец при хорошем уходе продержится дольше любой российской нестабильности, даже если она кажется вечной. Вот глупая девочка!

– Я быстро пожалела о том, что так сделала. Но уже было поздно. – Рената вздохнула и прижалась к нему еще крепче.

– Всегда можно развестись.

– Не всегда, – вздохнула она, – я погрязла. Я зависима. У меня ничего нет. Вот только эти джинсы и свитер.

– И свободные ночи, – продолжил Фил.

– Нет, нет, эта ночь – исключение из правил. Обычно ве-

черами в мои обязанности входит подавать пудинг в постель, а потом... потом начинается мышинная возня, которую он называет супружескими обязанностями.

Фила передернуло.

«Сейчас начнется», – мелькнуло в голове у Фила, он всегда боялся женщин, которые жаловались на свою тяжелую жизнь, или – того хуже – начинали рыдать в его объятиях. Что ему было делать в таких ситуациях, он не знал. Спасать кого-то или спастись самому? Обычно он спасался сам.

Но ничего подобного не произошло. Рената замолчала, потом стянула с себя свитер, села к нему на колени и принялась осыпать его лицо страстными поцелуями.

Она была потрясающе чувственна.

Ее любовь к китайской кухне не оставила у Фила неприятного осадка и не вызвала разочарования.

Он был полон ощущений, все завораживало – и запах ее тела, какой-то невероятный сладковатый привкус то ли муската, то пачулей, и ее глаза, широко распахнутые. Она смотрела в его глаза, не отрываясь, только иногда постанывала и прикрывала их на секунду, словно теряла сознание.

Прощаясь, она сунула ему бумажку с е-мэйлом. И он написал ей на пачке сигарет свои координаты. А вечером на поезде уже возвращался в Москву.

Вернувшись домой, Фил всегда имевший привычку первым делом проверять почту, включил компьютер. Письма посыпались в его почтовый ящик, как после ливня осыпается с куста спелая смородина. Это были письма от Ренаты.

«Ты сыграл в моей жизни удивительную роль, – писала она, – все переменялось. Я заново пересматриваю свои поступки, отношения с людьми, радуюсь мелочам вроде солнечного света или зеленых листьев. Я кажется стала счастливой...»

«Милая девочка, – подумал Фил, – обязательно напишу ей красивое письмо». Он открыл следующее:

«Мне просто нужно знать, что ты существуешь, осознавать это, – писала Рената, – разве важны хоть сколько-нибудь плотские отношения? Нет, не важны. Главное – знать, что где-то на том же земном шаре, живет человек, о котором приятно думать...»

Фил улыбнулся. Все женщины стремятся к реальности,

добиваются плоти. Они никогда не бывают самодостаточны, им необходимо постоянное ощущение, что они из ребра. Мужчина – как цель жизни, в том или ином проявлении, иногда цель завуалированная, часто даже не осознанная – привлечь, получить, подмять. Это и отталкивало Фила от мыслей о женитьбе, это и не оставляло ни одной из тех, кто иногда бывал с ним рядом, шансов на продолжение. Фил не хотел жениться, его пугал детский плач. Он никак не мог понять, в чем прелесть деторождения. А для многих его женщин ребенок представлялся чем-то вроде памятного сувенира, почему-то большинство из его любовниц непременно хотели родить от него.

Фила отвлек звонок в дверь.

Соседка Тамара стояла на пороге, почему-то она была в пеньюаре и в темных очках.

– Ну как я тебе? – широко улыбаясь, спросила Тамара.

– Блестяще, как всегда, – ответил Фил, не понимая, почему она так настойчиво скалится.

– Ну? – Тамара ждала продолжения.

Фил задумался:

– Ты почему в темных очках?

– «Мах Мага», – ответила Тамара, – триста баксов. Да ты не туда смотришь!

– А куда смотреть? – Фил покосился на ее колоритное декольте.

– Опять не туда, – усмехнулась Тамара, – и снова оскалилась.

– Да объясни толком, куда смотреть, – рассердился Фил.

– Да вот же, – Тамара запрокинула голову и раскрыла рот, – дачу родительскую продала! Голливуд?

– Зубы вставила?!

– Молодость проходит. Цены растут. У меня теперь во рту новый «Фольксваген Пассат».

– С ума сойти!

Тамара прошлась по комнате, виляя бедрами, грациозно опустилась в кресло, высоко забросив подол пеньюара и предоставив Филу любоваться ее роскошными ногами.

– Круто! – оценил Фил.

– Другая жизнь, – поделилась Тамара, – другие ощущения! Тебе не кажется, что я даже похудела?

– Немного, – согласился Фил.

– И грудь, кажется, стала чуть побольше...

Фил рассмеялся.

– А ты думал! Двадцать пять штук зеленых во рту. Подумать страшно. А в доме – шаром покати. Вчерашняя греч-

ка. – Тамара посмотрела на Фила с легкой грустью. – Теперь вот думаю, как это все применить? Куда девать-то?

– Ну так подумала бы прежде, чем сделать.

– Филечка, в следующем году мне – сорок! У меня последний шанс. Правда, не знаю, для чего. Но я как-то должна измениться, понимаешь? Думаю, что я их окуплю в ближайшее время. Заработаю миллион и куплю шале в Швейцарии.

– Хорошее дело, – согласился Фил, – кто же тебя надумил дачу-то продать?

– Такое дело, – вздохнула Тамара, – познакомилась с зубным врачом. Втюрилась до беспамяත්ства, с первой встречи! Как девочка... Записалась на прием, а там – цены... запредельные. Пришлось пойти на жертвы. Ходила, два месяца терпела эти пытки. И все из-за этого несчастного либидо. Уж очень хотелось с тем врачом время провести.

– Провела? – давясь от смеха, поинтересовался Фил.

– Провела, – вздохнула Тамара, – в зубном кресле.

– И что врач?

– Сказал мне на прощание: «Теперь вы – другой человек». – Тамара горестно вздохнула.

Фил с сочувствием посмотрел на Тамару.

– А у тебя что нового? Как съездил?

Фил достал из пакета бутылку «Хо».

– Я знаю, ты любишь. Отметим твои новые зубы?

– Угу, – с готовностью согласилась Тамара.

Фил любил Тамару – любил как соседку, как приятеля. Иногда они согревали друг другу постель, но оба знали, что романа между ними быть не может. Они были слишком похожи, говорили на равных. Между ними никогда не было дистанции, они понимали друг друга с полуслова, да и знали они друг о друге слишком много – включая поражения и болезни, а подобные знания мешают романам.

Тамара пила коньяк большими глотками. Сколько раз он учил ее делать это изящно, легко потягивая, но она не находила в мелких глотках никакого удовольствия: всегда выпивала залпом, а после этого шумно выдыхала, иногда занюхивая ладонью.

– Ты еще огурцом начни коньяк закусывать, – посоветовал Фил.

– Да ладно ваши паньские церемонии, – отмахнулась Тамара, – кстати, как тебе Краков? Нашел там приключение?

– Да, – не сразу ответил Фил, – а почему ты спросила о Кракове?

– А где же еще?

Филу не очень хотелось подпускать кого-то к этой теме. Он промолчал.

– Романтик, – посмотрев ему в лицо, – вздохнула Тама-

ра, – неисправимый романтик. А я-то надеялась, что сегодня ты лишишь невинности мои новые зубы.

– Не обижайся, – как можно мягче ответил Фил.

– Я не обижаюсь, – задумчиво ответила Тамара.

Она встала, снова прошлась по комнате, правда, бедрами уже не виляла.

– Я возьму себе? – Тамара щелкнула пальцами по бутылке с коньяком.

– Да конечно, – ответил Фил, – это твой.

Шурша пеньюаром, Тамара исчезла из квартиры, а Фил всю ночь просидел за компьютером, читая и перечитывая письма Ренаты. Он ответил ей на каждое письмо. Он мысленно целовал ее губы, закапывался в ее волосы. Всю ночь он ласкал ее тело, периодически доводя себя до дрожи, и лишь под утро заснул, крепко прижав ее к себе в своем воображении.

Изо дня в день Фил упорно работал над эскизами, ездил по делам, вел какие-то беседы. И вечерами он торопился домой, чтобы побыстрее подключиться к Интернету.

«Жить мыслями о тебе – прекрасно, – написал однажды Фил, – но очень хочется прикоснуться».

«Давай попробуем»! – пришел ответ.

Фил взволнованно вздохнул. Она была там, по ту сторону виртуального пространства, одновременно с ним.

«Ты здесь»? – спросил он.

«Да», – немедленно ответила Рената.

«Я хочу тебя раздеть», – Фил замер в ожидании ответа.

«Начинай!» – просто ответила Рената.

Фил растерялся, он никогда не занимался сексом у компьютера.

«Я снял с тебя свитер», – написал он первое, что пришло ему в голову.

«А на мне не оказалось бюстгалтера». – Немедленно ответила Рената.

У Фила пересохло во рту.

«Касаюсь твоей груди», – написал он.

«А я, – пришел ответ, – растянула твою рубашку, провела губами по груди и опустилась перед тобой на колени».

Фил почувствовал, как кровь прилила к его голове и застучала в висках.

«Я растянула твои джинсы...», – Филу послышался ее

шепот.

Звонок входной двери отвлек Фила.

– Черт! – воскликнул Фил и написал:

«Не уходи, дождись меня!»

На пороге стояла не очень трезвая Тамара.

– Ты не один?

– Один.

– А почему морда красная? – Тамара заглянула в комнату.

– Так, похоже, температура.

– Вот ведь незадача. – Тамара прислонилась к дверному косяку. Фил стоял в ожидании.

– Понимаешь, – Тамара перешла на шепот, – эти зубы... они не дают мне покоя.

– Продай теперь квартиру и переделай. Будет повод увидеться с тем врачом.

– Дело тут в другом, – таинственным тоном прошептала Тамара, – они живут своей жизнью. Са-мос-то-ятель-но!

Фил удивленно поднял брови.

– Вообще от меня никак не зависят, – призналась Тамара.

– Что ты имеешь в виду?

Тамара повисла у Фила на шее:

– Мне за ними никогда не угнаться! – Тамара прижалась сильнее, – во-первых, они очень легкомысленно ведут себя с мужиками в общественных местах. Кокетничают и хохочут во все горло. Во-вторых, они катаются по Москве на «Феррари».

– На чем катаются? – ужаснулся Фил.

– На «Феррари». Машина такая. А в-третьих, их видели в Париже. В прошлую субботу. Они сидели в «Максиме» и пожирали устриц. И знаешь, с кем их застукали?

– С кем? – Фил не очень понимал, что она плетет.

– С Президентом Российской Федерации! – Тамара многозначительно посмотрела на Фила, – они были с ним на «ты». Но главное, я точно знаю, – Тамара погрозила кому-то пальцем, – они же терпеть не могут устрицы! Они просто выпендриваются! Морочат голову Владимиру Владимировичу! А это непозволительно. Их же могли засечь папарацци! Как ты думаешь, чего ради мои зубы вцепились в него?

– В кого?

– В Путина, – просто ответила Тамара и хитро подмигнула.

Фил задумался. Интересная штука – жизнь. У него самого появилась виртуальная любовница, чего в жизни он не мог себе представить, будучи стопроцентным реалистом и потребителем женской плоти. А его закодычный дружок Тамара,

вторившись в дантиста, и теперь, продав ради этого родительскую дачу, сидит впроголодь и выслеживает свои зубы, которые разгуливают по всему миру без ее ведома и даже не думают корректировать свое поведение с законной хозяйкой.

Тамара, издав смешок, оттолкнула Фила. Она прошла в комнату и уселась перед компьютером.

– Не трогай! – попросил Фил.

Но Тамара не послушала, она уже получила почту и открыла письмо от Ренаты.

– Ну зачем! – воскликнул Фил.

– Ох ты, – Тамара присвистнула, – эротическая переписка! Очень мило. Как Книппер с Чеховым. Не меньше того.

Она быстро набрала какое-то слово.

– Прекрати! – заорал Фил, но она уже отправила.

«Я кончил, детка!» – было написано в письме.

– Идиотка! – разозлился Фил, – ревнивая дура! Ну какое твое дело!

– Кто эта Рената? Краковская шлюшка?

– Девочка. Милая девочка со своими проблемами. Зачем ее травмировать?! Она скучает, зачем эти шутки?

– Я тоже скучаю, – вздохнула Тамара, – и куда мне теперь

податься с этими зубами...

– Снимись в кино, – огрызнулся Фил.

– Уже есть фильм об этом.

– Какой еще фильм об этом?

– «Челюсти», – грустно ответила Тамара.

Она ушла, а Фил долго ждал, сидя перед компьютером. Но, судя по всему, Рената уже отключилась от Интернета.

Несколько недель после этого он посылал ей письма ежедневно, но ответа не получал. Он пытался отвлечься, забыть, уйти в работу, но дела не клеились. Все мысли были о Ренате. «Даже если я поеду в Краков, кто сказал, что она также сидит на том же камне», – думал Фил. Он похудел. Это заметила Тамара, с которой Фил все это время старался не разговаривать. Но как скроешься от человека, если живешь с ним дверь в дверь?

Фил ждал письма. И дождался. Рената не объясняла своего молчания, она обрушилась на него с нежностью и любовью. И снова их переписка разгорелась новыми страстями. Фил прирастал к компьютеру. Рената хотела новых ощущений. Она постоянно просила придумать что-то новое. По ее просьбе Фил без конца что-то изобретал, описывая свои действия, иногда скатывался до сальностей, которые никогда бы не позволил себе в реальной постели. Но Ренате хотелось

пошлости, бесстыдства, она жаждала примитива, постоянно подогревая его фривольными командами: «Давай, милый, давай! Еще разок попробуй». В реальной постели женщина никогда им не руководила, а сейчас, с Ренатой, он покорялся ее фантазиям полностью. Иногда ему казалось, что он окончательно покончил с действительностью. Вся его жизнь перенеслась туда, на другой конец этого провода или чего-то еще, что осуществляло их контакт. Там на другом конце этого чего-то тосковала его любимая, ненасытная девочка. Любимая? Она пила из него соки, и ему это нравилось.

«Я приеду к тебе! – написал он однажды, – так дальше невозможно!»

«Нет!» – пришел категорический ответ.

И он снова изнурял себя, уставившись в обыкновенные слова, которые появлялись на мониторе. Порой ему казалось, что стиль писем Ренаты слишком резко меняется. Она то становилась по-мужски грубой, то наоборот плакала от приливов нежности и тоски.

«Это ты?» – иногда спрашивал Фил.

«Я», – приходил ответ.

И Филя снова уносило за пределы реальности.

Последнее время Фил почти перестал выходить из дома.

Но голод – не тетка, пришлось покупать продукты. С Тамарой он столкнулся у дверей лифта.

– Бог мой! – воскликнула она, – ты на кого стал похож! Весь высох! Что с тобой?

– Меня пошатывает, – признался Фил, – вдруг ему захотелось поделиться с Тамарой. Было много вопросов в этом романе, эта странная связь таила в себе белые пятна, – что-то не то со мной, – признался он, – ничего не могу понять... – говорил Фил, – я как привязанный.

– Ты о той переписке?

– Да.

– Это еще не кончилось?

– В самом разгаре. Понимаешь, она материализуется. Не дает мне расслабиться. Она уже не только в компьютере, она везде. Даже когда мы не на связи, я ее чувствую, осязаю! Везде – в ванной, в спальне, перед телевизором. И всюду мы занимаемся любовью. Удивительно, она меня все время хочет. И я ничего не могу с собой поделать. От нее невозможно оторваться. Я понимаю, она далеко, но действует какая-то сила, притяжение. Слишком уж оно земное это притяжение.

Тамара посмотрела на Фила, словно врач на больного:

– Филечка, – прошептала она, – ты шикарный мужик, ты охренительный любовник! Я-то знаю! Онанизм – это удел неудачников!

– Да, – согласился Фил, – но почему онанизм? Нас же двое!

– Вас не двое! Ты один, Фил! Ты один сидишь у себя дома и дронишь за компьютером!. Ты что, не понимаешь?

– Она тоже сидит одна у себя дома.

– Да кто это тебе сказал? Кто сказал, что она вообще сидит дома или не пригласила развлечься пьяную компанию, а потом они посмались над тобой или занялись групповухой, распалившись от твоих подстегиваний.. Кто знает, может, таким образом она пытается возбуждать своего старичка-мужа?! А ты поддался! Филечка, я дважды пыталась познакомиться в Интернете. Первый раз нарвалась на десятилетнего ребенка. А во второй раз вообще это оказался дрессированный шимпанзе, которого научили пользоваться компьютером и стучать по клавиатуре.

Фил растерялся. Что-то сдавило ему виски, пережало дыхание. Его качнуло.

– Что со мной? – спросил Фил.

– Это нервы, – ответила Тамара, – ты вымотан до предела. Разве так можно себя изводить? Хочешь психотерапевта? У меня есть замечательный доктор Вельбович.

– Нет, нет, – ответил Фил, – не надо. Ерунда. Пройдет.

– Завязывай с этой девкой, – сказала Тамара, – умоляю тебя, прекращай эти игры! На кого ты стал похож!

Фил не был в состоянии работать. Он подвел театр, не сдав эскизы, и венгры категорично расторгли договор. Фил исчез для людей, он продолжал виртуальные игры с Ренатой, а Тамара доставала его рассказами о гениальном Вельбовиче. Тамара иногда оставалась с ним на ночь, они спали как брат с сестрой. Она убирала его квартиру, заставляла есть, заваривала ему отвар шиповника и однажды, пока он спал, она вынесла компьютер из квартиры.

Фил заметался. Он принимал ее ухаживания, терпел ее борщи и котлеты, но разбить ему жизнь он не мог ей позволить. Он требовал вернуть компьютер, но Тамара не сдавалась. Он стояла насмерть. И Фил скис, он перестал спать ночами, бродил по квартире и курил. Постоянно что-то сдавливало ему голову, а в глазах начинало двоиться. Фил боялся этих приступов. Тамара тащила его к врачу. Но Фил боялся врача.

Через месяц Рената позвонила ему по телефону:

– Я с трудом нашла твой номер, – весело сказала она, – а ты почему перестал писать?

– Компьютер сломался, – смущенно объяснил Фил, понимая, что нет на свете сильнее желания, чем увидеть ее. Сейчас, немедленно.

Какая чушь, какая клевета! Он поддался настроением

ревнивой подруги, оставил Ренату, а она – бедный ребенок, весь месяц искала его телефон.

– Я еду к тебе! – радостно сообщила Рената, – ушла от мужа!

У Филадельфия замерло сердце:

– Милая моя, – сказал он, – я так хотел этого! Все это время я мечтал только об одном, увидеть тебя, – Фил заплакал.

– Мы скоро увидимся, – смеясь, сказала Рената, – я даже не думала, что когда-нибудь буду кем-то так сильно любима.

– Я... я буду любить тебя всю жизнь. Только не исчезай! Только никогда не бросай меня...

Фил ждал ее. Он каждый день покупал свежие цветы, чтобы встретить красивым букетом. Он убирался в квартире, он каждый день брился. Он снова стал следить за собой. Фил поднялся. Он вернулся к жизни.

Рената приехала через месяц. Все было совсем просто, она позвонила в дверь, он открыл. Она стояла на лестнице и улыбалась. Ее глаза, волосы, ее улыбка – все было настоящим. Но что-то не то было в ее облике – она как-то некрасиво поправилась.

Она вошла в квартиру и скинула широкий плащ. У нее был огромный живот.

- У нас будет ребенок, – торжественно сообщила Рената.
- У кого, у нас? – растерянно спросил Фил.
- У нас с тобой.

Фил оторопел.

– Но мы не виделись больше года...

– А чем мы с тобой занимались все это время? – удивилась Рената, – или ты скажешь, что предохранялся?

– Нет, – смутился Фил.

– Ну вот и я тоже, потеряла бдительность, – Рената погладила себя по животу, – ладно, что делать. Случилось, так случилось. Где у тебя ванная? И приготовь мне что-нибудь поесть. Мы с Машенькой проголодались, как собаки.

– С кем вы проголодались?

– С Машенькой.

– С какой еще Машенькой?

Рената с удовольствием погладила огромный отвратительный живот:

– С девочкой нашей, дочкой, – спокойно ответила она и скинула туфли, – разотри-ка мне ноги. Ужас, как затекли, – попросила она.

Фил потерял ориентацию. Он превратился в слепого щен-

ка, который ищет, куда ему приткнуться носом.

Тамара не помогала, она закатывала глаза и разводила руками. Только однажды она сказала:

– Ты влип, дружок. Влип по черному... Вот и играй после этого словами: мысль материальна. Вот тебе и земное притяжение! Жаль. Мне очень жаль терять тебя.

– Ты меня не потеряла, – ответил Фил, – между нами все остается по-прежнему, мы друзья.

– Ты сам не понимаешь, что произошло. Тебя обвели вокруг пальца, как мальчишку. Ты действительно веришь в то, что это твой ребенок?

– По срокам сходится, – ответил Фил.

– По каким срокам? Чего у тебя сходится?! Ты хоть чуть-чуть соображаешь?

– Думаешь, она мне изменяла? – очень серьезно спросил Фил.

Тамара промолчала.

– Я уезжаю, – тихо сказала она, – у меня все получилось с тем стоматологом, помнишь? Он предложил мне выйти за него замуж. Мы будем жить во Франции. Хочешь, можем начать с тобой переписку, – Тамара игриво ткнула его в ногу носком туфли.

– Очень рад за тебя, – ответил Фил.

И вдруг Фил безумно испугался, как же он останется совсем один? И не просто один, а один на один с какой-то посторонней женщиной, которая уже переставила в его квартире мебель, поменяла местами вещи, выбросила дорогие ему предметы. Он не может ничего найти в этом чужом доме. Она переделала его спальню в детскую, всюду развесив воздушные шары и игрушки. Она заполнила его дом бытом, которого он сторонился, так как больше всего боялся примитива.

– Ты сам этого хотел, – сказала Тамара, – так уж получилось.

Фил каждое утро выходил в магазин, покупая Ренате свежий кефир, так как в связи с беременностью у нее были проблемы с пищеварением, каждый день она жаловалась на запоры, обвиняя Фила в том, что он не может ей помочь. Интересно, каким образом Фил мог бы ей помочь при всем желании?!

Магазин был на первом этаже дома, где жил Фил, и утром он мог сбежать туда без посторонней помощи. Но отойти чуть дальше от подъезда – уже начинались проблемы.

Однажды, когда он вышел за овощами, еще не подойдя

к палатке, почувствовал странную вещь: у него пересохло во рту, что-то сдавило голову, потемнело в глазах, а сердце колотилось как овечий хвост.

Он облокотился о стену.

– Вам плохо? – спросил кто-то.

– Нет, нет, – сейчас пройдет, – ответил Фил.

– Тут такой ужасный запах тухлятины! Вам надо отойти в сторонку и продышаться.

«Запах тухлятины, – мелькнуло в голове у Фила, – вполне вероятно, что это аллергия. Ведь в детстве мне запрещали клубнику, а клубника тоже – овощ в каком-то смысле».

Фил с трудом пришел в себя и чуть не теряя сознание, добрал до дома. Рената лежала на диване и стонала, отвратительно кривя рот.

– Что с тобой? – спросил Фил.

– Кажется, началось, – ответила Рената, – о, господи, я не знала, что это так больно!

Фил подошел ближе, взял ее за руку.

– Что я должен сделать?

– Господи, тупица! – закричала Рената, – вызови мне скорую! Кретин! У меня воды отошли.

Фил вызвал скорую.

Уезжая, Рената взглянула на него глазами полными слез:
– Если со мной что-то случится, не бросай Машеньку!

«Какую Машеньку?» – снова не понял Фил.

– Не бросай ее! Она плод нашей с тобой любви. Твоей любви. Потому что когда-то ты любил меня. И она не виновата в том, что ты меня больше не любишь. Да, да, я стала толстая и некрасивая, и у меня запоры, и ноги отекают... – Рената рыдала навзрыд, – никогда не бросай Машеньку!

В тот же день появился доктор Вельбович. Фил сидел у телефона, ждал звонка из роддома и прислушивался к стуку своего сердца.

«Однажды оно перестанет стучать, – подумал Фил, – и что тогда? Тогда я умру».

– Послушайте, – поморщился доктор Вельбович, – умереть от страха – это только выражение. Вы не можете сделать это в буквальном смысле. Это для самого страха не нужны

причины, но они нужны для того, чтобы умереть. А какие у вас причины умирать? У вас что, скрытая форма диабета? Или ишемическая болезнь сердца? Вы здоровы, как бык. Только нервишки пошаливают. – Доктор Вельбович сидел на книжной полке. – Когда случаются ваши приступы, вы чувствуете чрезмерную слабость? Легкость в теле? Словно приподнимаетесь над землей?

– Да, – ответил Фил.

– Поднимитесь на носки и резко опуститесь на пятки. Почувствуйте силу земного притяжения! – доктор Вельбович спрыгнул с полки и легко забрался на спинку стула. – Носок-пятка! – вот и вся премудрость!

– У вас родилась девочка, – сообщила Филу телефонная трубка, – рост пятьдесят один, вес – три двести. Примите поздравления, папаша.

– Папаша, – ухмыльнулся доктор Вельбович и юркнул в дверную щель.

Стараясь ровнее дышать, Фил вышел в магазин, Рената ждет его на даче, она просила купить подгузники и сухое молоко. Еще издали увидев овощную палатку, он напрягся и ускорил шаги. Потом попытался бежать. «Ничего не случится, ничего!» – лихорадочно думал Фил. Но у него уже темнело в глазах. Паника овладела им. Фил начал ходить кругами, но подойти к палатке так и не смог. Он зажмурил-

ся и повернул обратно к дому, так и дошел до подъезда с закрытыми глазами.

Доктор Вельбович сидел на телевизоре и варил картошку в армейском котелке.

– Ничего, – сказал Вельбович, – в следующий раз все получится.

Из соседней комнаты раздался крик младенца.

– Что это?

– Ребенок, – объяснил доктор Вельбович, – девочка Машенька.

– Что она тут делает?

– Живет, – посолив воду, ответил Вельбович.

– А где Рената?

– Ушла.

– Куда?

– Правильнее было бы спросить – к кому. Но я этого не знаю.

– Надолго?

– Навсегда, – просто ответил доктор, – да возьмите себя в руки. Не вы первый, не вы последний. Сироты наиболее удачливы в жизни, чем дети из полных семей. По себе знаю. У нас хватка более цепкая. Вот смотрите, – Вельбович подпрыгнул и повис, вцепившись пальцами в штору, – видите?

А вот вы так не сможете. Потому что у вас есть и папа, и мама. А у меня никого никогда не было. Я говорил вам, что моя мать была украинской еврейкой? Да, да, ее расстреляли. Ваши любимые пехотные командиры. А отец, знаете, кто мой отец? Немецкий офицер. Фашист. Его тоже хлопнули. Те же командиры. А моя мамочка... бедная мамочка... она была беременна. Мной.

– Какое мне до этого дело?

– Никакого, – согласился доктор, – просто вы первым начали втирать мне мозги про какие-то общепризнанные святыни. А я вам говорю, что пора научиться отличать реальность от мистификации.

– Да заткнись ты, надоел! – Фил схватил мухобойку и замахнулся, прицелившись в Вельбовича.

Доктор ухмыльнулся, надул мыльный пузырь, укрылся там и принялся летать по комнате.

Ребенок разрывался от рева, переходя то на собачий лай, то на овечьё бляенье.

Фил почувствовал приступ удушья.

– Это страх, – сказал он сам себе, – ничего не случится.

– Носок-пятка! Земное притяжение! – учил из пузыря доктор Вельбович.

Фил ткнул в него пальцем.

Вельбович пукнул и рассыпался на тысячи осколков.

– Носок-пятка! – скомандовал сам себе Фил, чувствуя, что поднимается в воздух. «Странное ощущение, – подумал он, – интересно, какое сегодня число?».

Почти летя, утопая ногами в густом воздухе, словно в бо-лотной жиже и с трудом переступая, он подошел к часам и нажал на кнопку календаря.

«4 марта 1964 года».

«Интересно, – подумал Фил, – в этот день я родился».

Он еще выше поднялся, почти не чувствуя тяжести своего тела.

«Носок-пятка»! – услышал он голос доктора и сжался от страха, затем как-то странно уменьшился, скукожился весь и вылетел из квартиры через открытую форточку.

Игры без правил

Влад огляделся по сторонам: чересчур много роскоши – зеркала в кружевных рамах, кривоногие столики с инкрустацией из драгоценного камня, абажуры в бисере. На стенах – картины причём кажется, подлинники, хотя Влад в живописи – не очень. Полы в коврах, каких он в жизни своей не видал, разве что в музеях, по которым его в детстве таскала тётка. Шикарно, но как-то всё слишком навязчиво: хрусталь слепит глаза, а на ковёр и вовсе ступить страшно.

– Красивый дом! – Влад был у них впервые.

Вроблевски одновременно кивнули.

– Мы очень долго его благоустроивали, – с улыбкой сказал Михал.

– Пойдёмте, – предложила Магда, – покажу вам кое-что...

Она провела Влада по длинному коридору до просторного холла, больше напоминающего театральное фойе. Влад шёл, и ему казалось, что ещё шаг-другой – откроется освещённая сцена, по которой они с Магдой пройдут тур вальса перед светской публикой.

Магда распахнула одну из дверей. То, что увидел Влад, больше напоминало спальню Нептуна, а не обычную ванную комнату.

– Нравится? – спросила Магда.

– Очень.

– Видите мозаику?

Влад обратил внимание на абстрактный рисунок по краю серебряной ванны.

– Это створки от устриц, которые мы с Михалом ели в Париже. Выбрасывать – показалось не оригинально. Я собрала в пакетик, привезла домой, и вот что получилось! – Магда ждала восхищения.

– Это очень оригинально, – похвалил Влад, думая, а не заняться ли ему коллекционированием целлофана от сосисок, чтобы когда-нибудь использовать его в благоустройстве своего жилья.

– Не представляете, как сложно было уговорить Михала купить дом на берегу Рейна!

– Ему не нравится Рейн?

– Не в этом дело! Он совершенно не признаёт осёдлости, постоянно куда-то переезжает. Так и мотаемся по городам, по странам. Это ужасно тяжело! А весь позапрошлый год мы прожили в Конго. Ну и куда это годится!

– В Конго? – поразился Влад. – Почему именно Конго?

– Какие-то дела... – развела руками Магда. – Но ведь в Швейцарии лучше, не правда ли?

– Никогда не жил в Конго, – ответил Влад.

Они вернулись в гостиную.

– А мне всю жизнь приходится жить в микроскопических квартирках, – признался Влад. – Или ещё хуже – в комна-

тах. Можете себе представить – только комната и никаких удобств.

– А кухня, ванная? – ужаснулась Магда.

– Общие.

– Общие с кем? – уточнила Магда.

– С посторонними людьми. В квартире живёт несколько семей, совершенно никак не связанных между собой. Это называется – коммуналка.

Стоит Владу попасть в гости к тому, от кого может хоть что-нибудь зависеть, как он принимается за рассказы о жизни в коммунальной квартире. Общие тазы, общий туалет, общая газовая плита и прочие бытовые «радости» подобного рода выбивают европейцев из колеи иногда до такой степени, что они соглашаются инвестировать какой-нибудь проект – из тех, что Влад им предлагает, или помогают иным способом. Особенно впечатлительны швейцарцы. Но они не так просты, как кажется. На их лицах почти всегда выражение слепого восторга, которое, правда, от его историй часто сменяется тихой печалью. Но дальше этого не идёт. Максимум, на что они способны – сочувственно покачать головой. Они – сама любезность: могут, расслабившись, запросто впустить к себе в душу, но они никогда не впустят никого к себе в карман.

К креслу едва слышно подошла большая собака и мягко положила голову Владу на колени. Он посмотрел вниз.

Собаки не было.

– Как странно... мне показалось, собака...

Вроблевски переглянулись.

– У нас был доберман, – сообщил Михал. – Это его кресло...

– И он любил класть голову на колени всем, кто сюда садился, – с грустной улыбкой добавила Магда.

– Он умер пару месяцев назад, – осторожно добавил Михал.

Неловкость повисла в воздухе, Владу захотелось побыстрее уйти, так и не попробовав пирог. Магда ещё в театре прожужжала ему все уши о яблочном пироге, который она готовит по старинному рецепту. Теперь пирог лежал на большом блюде и манил, казалось, что он кокетливо подмигивает и поводит боком.

Влад был сильно голоден. А голод для него – опасное чувство. Что-то внутри, словно пытаясь компенсировать отсутствие пищи в желудке, раскрывает необъяснимые способности видеть и чувствовать практически сквозь стены. Будучи голодным, он может предсказывать судьбы, поймать тайный голос безупречной интуиции или предупредить глобальную катастрофу.

Именно чувство голода помогло ему однажды определить в толпе опасного преступника. А как-то утром, не успев позавтракать, Влад стоял на перроне парижского метро и почувствовал, что молодой человек латинской внешности со-

бирается броситься под подъезд. Влад буквально увидел его мысли!

– Оно не стоит того! – успел крикнуть Влад. – Потом вы пожалели бы об этом, но этого «потом» уже не будет! Вы никогда не увидите подсолнух! – Влад и сам не знал, почему ему в голову пришла мысль именно о подсолнухе. – Не услышите журчания ручья и пения птиц. Не почувствуете запах костра. Вы не выпьете колы, наконец! И не выкурите больше ни одной сигареты! – Он попал в цель.

– Мне нужно покурить, – тихо произнёс этот несостоявшийся самоубийца и отшатнулся от приближающегося поезда.

Они поднялись наверх и на пронизывающем ветру пытались закурить.

– Не знаю, что на меня нашло, – признался латиноамериканец, – но откуда вы догадались?

– С утра не успел позавтракать, – объяснил Влад.

«Латиноамериканец» кивнул – он понял.

– Здесь неподалёку готовят неплохую пиццу, перекусим? – предложил он, очевидно не желая, чтобы Влад спасал всю оставшуюся часть человечества.

Разумеется, его бросила какая-то студентка, она изменила ему с его же лучшим другом. Как ни банальна жизнь, но нельзя же расставаться с ней по таким стандартным причинам! Можно придумать что-то более оригинальное.

– На свете нет женщины, ради которой можно покончить

с собой, – сказал Влад со знанием дела.

– Кончают с жизнью вовсе не из-за женщины, а из-за той боли, которую она причиняет, – ответил тот.

Вроблевски внимательно слушали. Магда затаила дыхание. Михал пожёвывал губу, разглядывая свои ногти.

– Его звали Лёшик, Алексей, – поведал Влад, – и он был никакой не латиноамериканец.

– Русский. Опять русский, снова русский! – Михал печально покачал головой и коротко взглянул на жену. – Пора подавать.

Магда вызвала горничную.

– Часто с вами подобное? – поинтересовался Михал.

– Вы думаете, это не совсем нормально? – ответил Влад вопросом на вопрос.

– Ненормально не означает подозрительно, – улыбнулся Михал. – Это очевидный факт!

– Вообще-то с детства. Всегда всё предчувствовал, даже плохие отметки.

Вроблевски засмеялись.

– Вот бы такой дар твоей доченьке! – Магда взяла у горничной пирог и поставила его на стол, поближе к Владу. – А что было дальше?

– Дальше чего? – не понял Влад, принимаясь за еду.

– С тем испанцем, который оказался русским.

– Лёшик! – оживился Влад. – Этот тип повторяет попытки

с завидным упорством! Лучше бы с подобным старанием он искал работу. Тогда и причин покончить с собой было бы меньше. Я у него бываю. Навещаю его два раза в месяц.

– Это очень благородно с вашей стороны, – кивнула Магда.

– Но знаете, – продолжал Влад, – несостоявшиеся самоубийцы – настоящие вампиры. Получив хоть раз искреннюю поддержку, они уже с вас не слезут. Сколько раз он вызывал меня с воплем: «не хочу больше жить!» Я кидался спасать, а он сидел как ни в чём ни бывало перед охрипшим телевизором, пил пиво и хотел просто выговориться. Но понимаете моё положение, если однажды я не приеду, а он возьмёт и выкинет фортель! Меня же потом совесть в покое не оставит!

– Да, – вздохнул Михал, – вы оказались в зависимости.

– Вот именно! У меня что, своей жизни что ли нету? Своих проблем?

– Мы знакомы с подобным... – начала Магда, но Михал резко её перебил.

– Интересно, – сказал он, – с этим можно как-нибудь справиться?

– Я придумал выход! – Влад доел пирог.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.